

Попаданка для лорда

Автор:

[Наталья Шнейдер](#)

Попаданка для лорда

Наталья Шнейдер

Плохая новость – меня сбила машина. Хорошая новость – я, кажется, жива, здорова, и теперь зовусь не Катей, а леди Кэтрин. Вот только к титулу еще прилагается муж, который свежее испеченную жену, меня то есть, терпеть не может. И что же мне теперь делать с таким подарком судьбы?

Наталья Шнейдер

Попаданка для лорда

Глава 1

– Я пришел исполнить супружеский долг.

Я недоуменно моргнула, глядя на здоровенного мужика в бабушкиной ночнушке с завязками у горла. Это что еще за явление? Я не говорю о том, что супружеский долг некому исполнять вот уже много-много лет.

Забористые, однако, глюки. Интересно, это седатики или предсмертные видения? После того, как на переходе в тебя что-то врезается, и ты улетаешь в темноту, не успев почувствовать боль, окажешься или в операционной, или на том свете. На ангела этот мужик не походил, несмотря на ночнушку.

Здоровый, наверное, головы на полторы выше меня. Широкие плечи не скрывает даже свободное одеяние. Собранные в хвост волосы, кажется, темно-русые, в неровном свете свечей не разберешь. Аккуратная бородка, правильные черты лица. Взгляд... блин, так на врага смотрят перед убийством, а не на, гм, объект супружеского долга.

- Ну исполняй, зря, что ли, пришел?

Какая там сегодня больница дежурит по экстренной травме? Третья? Очнусь, спрошу Петю, чего это такое он мне вколол. Шикарный мужик пригрезился, даже жаль, что глюк.

Он не слишком аккуратно подтолкнул меня так, что я попятилась, плюхнулась на постель. Придвинулся, нависая, явно собираясь опрокинуть меня. Эй, мы так не договаривались!

- А поцеловать?

Он уставился на меня с таким изумлением, будто смотрел на говорящую кошку. Ненависть во взгляде сменилась насмешкой.

- Извольте.

Боже, какой голос! Низкий, с чуть хриловатыми бархатными нотками. Да от одного этого голоса теплеет в низу живота. Нет, такой мужчина может быть только глюком. А жаль. Хотя... после того, как очнусь, мне явно будет не до мужчин. Так хоть сейчас оторвусь.

Он сел рядом, полуобернувшись ко мне, властным движением притянул за загривок. Коснулся моих губ своими - легко, почти холодно, точно покойницу целовал. Нет, ну я так не играю! Уж в собственных-то глюках можно и погорячее.

Я обвила руками его шею и поцеловала по-настоящему. Его губы остались безучастными. Слушай, ну только не говори, что ты еще и целоваться не умеешь, и супружеский долг исполнять собрался прямо в этой ночнушке. С такой-то внешностью, с таким голосом, к своим... тридцати, пожалуй, ты должен был столько перебрать, что Соломону с его гаремом не угнаться. Ну так какого

рожна?

Я отстранилась на миг.

– Не бойся, не отравишься.

В его взгляде снова промелькнуло что-то, очень похожее на жажду убийства – не будь это глюк, испугалась бы. А потом он снова склонился к моему лицу и поцеловал так, что внутри все растаяло, стекло в низ живота. Я придвинулась ближе, прижалась всем телом. Руки у красавца тоже оказались умелыми, и когда он все же опрокинул меня на постель, нависая сверху, мне было уже наплевать, что ночнушку он так и не снял – и с меня, к слову, тоже.

Сердце колотилось как ненормальное, дыхания не хватало, и невозможно, невыносимо хотелось, чтобы он, наконец, заполнил эту ноющую пустоту внизу.

Ой! Блин, как в первый раз. Ну, спасибо, дорогой мозг, такой подлянки я от тебя не ожидала. Или это не мозг, а там, в реальности, катетер вставляют? Так, к черту катетеры, и реальность к черту. Я чуть подвинулась, подстраиваясь, застонала – уже не от боли.

– Заставить вас кричать, миледи? – ехидно прошептал он.

– Да, – выдохнула я.

Кажется, он усмехнулся, но мне уже было не до того. Раствориться в этом древнем как мир ритме, потянуться навстречу, взлететь с криком, замереть, совершенно обессилев прежде, чем он неловко дернулся, выдохнув сквозь зубы и, застыв на несколько мгновений, скатился в сторону.

Я потянулась к нему – погладить по щеке, коснуться губ, но он резко отстранился, уворачиваясь от моей руки. Изумиться или обидеться я не успела. За спиной прозвучал хорошо поставленный голос.

– Консумация свершилась!

Блин! Это что за сборище вуайеристов с постными минами? Скажите спасибо, что вы не настоящие, а то взяла бы вон ту медную дуру – подсвечник, в смысле – и объяснила, что глазеть нехорошо. Методом Ивана Петровича нашего Павлова, то есть стимулируя большую ягодичную мышцу. Если по-другому мама научить не смогла.

Но в той блаженной истоме, что меня окутала, растаяла даже злость, и я мысленно махнула рукой. Все это не по-настоящему, так и пусть их. Не хватало еще уподобляться алкашу, гонящемуся с ножом, то есть с подсвечником, за чертями, пардон, разряженными придворными. К слову, ночнушка моего, гм, мужа вполне соответствовала их нарядам. Обычная нательная сорочка того времени, когда мужчины носили кружева, драгоценности и длиннополые одеяния с непроизносимыми названиями. Перепоясывали всю эту красоту мечом, так что желающий похихикать над «ночнушкой» рисковал получить полметра стали в пузо. Хотя сейчас вуайеристы были безоружны – ну правильно, кто потащит оружие в чужую спальню?

Да кому вообще придет в голову тащиться в чужую спальню? Нашли халявную порнуху, тоже мне.

Откуда-то из темноты появились три расторопные девицы – одна облачила меня в нечто кружевное, вторая стянула с постели окровавленную простыню – еще раз спасибо, дорогой мозг, за такое средневековье – передав ее какому-то мужику, что потащил простыню прочь, держа, словно поднос, а за ним потянулись остальные. Так вот что им надо было! Пока я хлопала глазами, глядя на эту процессию – каждый не забывал поклониться, сперва мне, потом – стоящему за плечом мужчине – третья девица ловко перестелила постель.

– Можете ложиться, госпожа. – Она, присев в реверансе, снова растворилась в темноте.

– Доброй ночи, леди Кэтрин. – Это уже муж.

Ишь, как завернул. Так-то я всю жизнь Катя. Катерина. Екатерина Петровна – это уже для больных или студентов. «Миледи Кэтрин», да еще таким голосом – были бы мы одни, далеко бы не ушел. Но любители халявной порнухи не торопились убираться, тянулись к выходу по одному. Так что придется побыть приличной женщиной.

Я присела в реверансе, получилось на удивление легко и естественно, словно всю жизнь тренировалась.

– Доброй ночи, милорд... – Эм, а зовут-то его как?

И спрашивать имя уже неловко, после всего, что было.

– Доброй ночи, милорд... муж, – нашлась я. Добавила: – Супружеский долг в вашем исполнении не забывается.

Нет, ну а чего бы и не сделать комплимент прекрасному мужчине. Который в любой момент может растаять, даже воспоминаний о себе не оставив.

В его взгляде промелькнуло изумление, а потом глаза сузились от гнева, челюсти сжались. Лорд муж устремился прочь, едва не отпихнув задержавшегося в дверях типа.

Я недоуменно вытаращилась ему вслед – вот и говори этим мужикам комплименты. Ладно, чего ожидать от глюка.

Зевнув, я юркнула под пуховое одеяло, с сожалением подумала, что проснусь, скорее всего, в реанимации, с кучей трубок, торчащих из разных совершенно неромантичных мест, и забыв все, что сейчас привиделось.

Впрочем, наверное, оно и к лучшему, что – забыв.

***

Я проснулась от солнечного луча, бьющего в лицо. Сладко потянулась – в кои-то веки выпалась по-настоящему: обычно черный провал между пробуждением и сборами на работу удавалось преодолеть только с помощью кружки крепчайшего кофе. Про выходные я давно забыла: у практикующего провинциального врача их почти не бывает – если, конечно, хочешь жить по-человечески, а не на одну зарплату. Две ставки в стационаре плюс дежурства — и уже можно не считать копейки до получки.

Так, стоп, а как получилось, что мне не нужно никуда бежать? Будильника не услышала, что ли? Я рывком села, огляделась.

Это не моя комната! На хрущевскую однушку эти хоромы походили не больше, чем екатерининский дворец на студенческую общагу. Стены, увешанные гобеленами, стрельчатые окна с разноцветными витражами, витые подсвечники тут и там, широченная кровать с балдахином.

Где я? Как я сюда попала? Упитья до невменяемости не могла – вопреки сложившемуся о хирургах мнению, я почти не пью. И веществами не балуюсь. В моей профессии важны четко работающие мозги и безупречная мелкая моторика, так что не до глупостей.

Я сжала пальцами виски, зажмурилась. Так... Смена-дежурство-смена, дорога домой, переход, удар, темнота, свечи, мужик, супружеский долг...

Здорово меня, видать, приложило... Я зябко передернула плечами. А что если это уже даже не глюки, а бред умирающего мозга? Ох ты ж... Ладно, что теперь. Что бы там ни происходило, повлиять на происходящее я не могу. Будь что будет.

Я открыла глаза, выпрямив спину. И застыла, уставившись на свои руки. Которые вовсе не походили на мои.

Мои были с широкими ладонями – сказывались занятия фортепиано в детстве и многолетние регулярные тренировки на тренажерах, как пришла после родов фигуру восстанавливать, так и затянуло, с коротко стриженными ногтями без лака. Едва заметными шелушениями, от которых не спасали ведра крема и перчатки во время сна. Руки регулярно оперирующего хирурга.

Те руки, на которые я смотрела сейчас, принадлежали даме, ничего тяжелее спиц и вышивальной иглы не державшей. Узкие ладони, длинные тонкие пальцы, белая-белая полупрозрачная кожа, округлые ногти. Единственное, что роднило их с моими – отсутствие лака.

Узкие запястья. Тонкие предплечья с едва заметным пушком.

Зеркало! Где тут зеркало?

Хотя о чем я? Судя по гобеленам и подсвечникам, зеркала здесь – штука безумно дорогая и очень редкая. О, вон на столике медный тазик и кувшин.

Я выплеснула воду в таз, едва дождалась, пока она успокоится. Медленно вдохнула. Выдохнула. Попыталась унять бьющееся в горле сердце. Чего я боюсь, в самом деле? Даже если я и страшна как атомная война, это же бред, так?

Прикусив губу, я наклонилась, вглядываясь в поверхность воды. По плечам скользнули темно-рыжие кудри, я едва успела их поймать, чтобы не намокли. Рыжие! Мои были русыми. И девушка, отразившаяся в воде, лет на двадцать младше и вовсе на меня не похожа. Точеное личико, аккуратный носик, глазищи на пол-лица. Картинка, а не девушка. Но не я.

И волосы до попы у меня были класса до девятого. А там я их обрезала, дура, и больше такие не выросли. Вот только мыть эту красоту в тазике – ой, мамочки... Да еще поди какими-нибудь корешками, после которых, пока расчешешь, половину волос выдерешь. И вообще. До меня только сейчас дошло, что я стою босыми ногами на каменном полу и пальцы начали неметь. Оказывается, домашние тапочки – величайшее достижение человечества.

Я сиганула обратно в кровать, поджав под себя озябшие ступни. Так, глюк это, бред, переселение душ или что еще, сейчас неважно. Важно, что я не могу ничего изменить. Значит, как-то придется здесь обжиться. Принимать правила игры.

А какие они, эти правила?

Во-первых, здесь меня зовут леди Кэтрин. Уже неплохо, Кэт или Каткой было бы куда хуже.

Во-вторых, у меня есть муж.

Муж! Только этого мне для полного счастья не хватало!

Я, застонав, закрыла лицо руками и повторила любимую многоэтажную конструкцию Петровны, нашей бессменной санитарки и заядлой матерщинницы.

Дома у меня тоже был муж. Давно.

Мы познакомились, когда я заканчивала институт. Я, как всегда, летела из одной больницы в другую – студенты-медики вечно болтались по всему городу: с утра практика в одной больнице, потом лекция на кафедре в другой, с собой сумка с учебниками, пакет с халатом и сменной обувью, еще один пакет с бутербродами и термосом – нормально поесть мы не успевали никогда – и разве что в зубах ничего нет. И надо ж так случиться, что когда я перекидывала тяжеленную сумку с одного плеча на другое, оборвался ремешок, и она плюхнулась прямо в осеннюю городскую грязь.

И пока я растерянно лупала глазами, размышляя, как бы подобрать упавшую сумку, навьючить на себя, не испачкав плащ, и дотащить хотя бы до холла больницы, чтобы там попытаться отмыть, а на лекции как-нибудь присобачить злосчастный ремешок, появился Артур. Словно рыцарь из сказки. Поднял, извлек откуда-то чистейший носовой платок, оттер грязь, и, не слушая мои смущенные благодарности, предложил довести до места.

В машину к нему я не села – все знают, чем заканчиваются такие «довозы». Он не обиделся, только улыбнулся – ах, какая у него была улыбка, невозможно не улыбнуться в ответ, – и сказал, что надеется, я дам ему возможность показать себя с лучшей стороны. И предложил проводить пешком, нечего красивой девушке таскать этикие тяжести. А проводив до места – как же мне не хотелось слушать лекцию по гигиене! – попросил телефон.

Телефон я ему, конечно, дала. И ухаживал он красиво, как в кино. Свадьбу мы сыграли за месяц до диплома – чтобы получить его уже на новую фамилию. Я была самой счастливой на свете.

В первый раз мы поссорились, когда я собралась в интернатуру. «Зачем это тебе? – спросил Артур. – Диплом есть и хватит. Что значит, нельзя работать без сертификата? Зачем тебе работать? Посмотри, у нас все есть! Веди дом, рожай детей и не думай о деньгах, это моя забота!»

У нас и правда все было. Свой дом. На свадьбу муж подарил мне машину и нанял инструктора, чтобы обучил вождению. Как я потом узнала, «честно сданные» с первого раза экзамены тоже оплатил муж, даром что правила я зубрила изо всех сил. Он засыпал меня драгоценностями – пытался еще до свадьбы, но тогда я упорно отказывалась. Зато после нее подарки стали такими роскошными, что порой страшно было их надевать. Подружки завидовали. Да что там, я сама себе завидовала. Красивый, богатый, любящий...

Но стоило тратить шесть лет жизни на учебу, чтобы потом положить диплом на полку, так толком и не доучившись? Врач – не голая теория из учебников, это прежде всего опыт. Практика. Примерно так я ему и сказала, спросив, зачем он женился на студентке-медичке, если собирался посадить ее дома рожать детей? Нет, я ничего не имела против детей, я собиралась родить ему минимум двоих, а может, и больше, если получится. Но сперва все же стоило получить профессию. Люди смертны и к тому же внезапно смертны, как сказал классик. Мало ли...

Затем и женился на медичке, сказал он, чтобы она занималась детьми и знала, что делать, если с ними вдруг что-то случится. Но, ладно, так и быть. Заканчивай свою интернатуру.

Тест показал две полоски за неделю до сертификационного экзамена. И, конечно же, на работу я устраиваться не стала. Дом полной чашей, желанная беременность. Заботливый муж, готовый исполнить любой каприз... Ночные дежурства, лишние нервы в моем положении – зачем?

Носила я, впрочем, легко – обошлось без токсикоза и прочих прелестей. А родить самой не вышло. Кесарево.

Альберт. Бертик. Самый чудесный мальчишка в мире. Самый любимый в мире мальчик.

Операция оказалась неудачной – через несколько дней началось воспаление, сепсис, матку пришлось удалить. «Только не говори мужу», – заклинала Вероника Дмитриевна, зав отделением, которая меня оперировала. Не такой? Все говорят, что не такой, а потом выходят в окно, после того как бросает муж. Заподозрит? Скажешь, не судьба больше иметь детей, всякое бывает.

В первый вечер после больницы Артур взялся купать сына сам. Долго возился с водой, вымеряя температуру, бережно опустил туда малыша. И заворковал, рассказывая, что мы родим Бертику сестренку. Ну, может, сначала еще братика, но сестренку обязательно. Чтобы было кого защищать и беречь, чтобы учился быть настоящим мужчиной...

Я сползла по дверному косяку, захлебываясь рыданиями. И глядя, как ходят желваки на лице мужа, поняла, что заведующая была права.

С того дня Артур ни разу ко мне не прикоснулся. Оставался вежливым, внимательным, чудесным отцом малышу... но не мужем мне. Я думала, ему нужно время, чтобы смириться – сама-то я толком так и не могла привыкнуть к тому, что больше не полноценная женщина.

Он не смирился. Подал на развод в тот день, когда Бертику исполнилось три. Дав мне две недели на то, чтобы собрать вещи и съехать. Куда? Это больше не его забота. Все, что он подарил, я могу забрать с собой и использовать, как считаю нужным. Ребенок останется с ним.

Квартиру я сняла, сдав в ломбард несколько его подарков. Сына забрала. В тот же вечер на пороге квартиры стояла милиция. Артур заявил, что я украла ребенка.

Суд оставил Бертика ему. Наверное, этого следовало ожидать: он бизнесмен, с хорошим доходом и домом, я – безработная без жилья.

Еще через полгода Артур снова женился – на деревенской девчонке, заканчивающей медучилище. Она оказалась хорошей девочкой, правда хорошей. Относилась к Бертику, как к родному, даже родив своих; не мешала нам встречаться – конечно, не в их доме. Бертик, когда чуть подрос, смеялся: у него есть мама Катя и мама Зина – все друзья завидуют. Подруги утешали: не расстраивайся, посмотри, как удобно быть воскресной мамой. Сопли, уроки, капризы, запреты, бессонные ночи – на мачехе, матери – только развлечения и любовь. Я улыбалась, поддакивая и сыну, и им. Никого не касается, что на самом деле было у меня на душе. Потом стало легче. Время все-таки лечит...

Бертик вырос замечательным парнем, сейчас учился на первом курсе. У него была большая любящая семья. У меня – любимая работа, после которой,

несмотря на две ставки и дежурства, оставалось время на фитнес, в моей профессии если не снимать стресс спортом, окочуришься к сорока; прогулки, книги... Словом, я занималась всем тем, на что никогда не хватает времени порядочным замужним женщинам с детьми. Не надо ни под кого прогибаться, не надо после работы вставать на вторую смену к плите, не надо собирать разбросанные по дому носки, не надо подстраивать отпуск под мужа. Сорок кошек, правда, не завела. Ни одной не завела – с моим ритмом жизни жестоко оставлять тосковать в доме живое существо.

А тема сильного мужского плеча в моей жизни много лет назад была закрыта навсегда.

И вот теперь – здравствуйте, пожалуйста, муж. Нет, конечно в таких хоромах носки за ним явно будет подбирать кто-то другой... впрочем, о чем я, какие носки? Тут их, кажется, и вовсе не носят.

Господи, о какой ерунде я вообще думаю? При чем тут носки? Что мне делать? Что мне делать с незнакомым мужиком, с хоромами и с этим непонятным миром?

Ладно. Допустим, я тут ненадолго. Это все ненадолго и не по-настоящему. Сейчас кончится действие волшебных укольчиков, я очухаюсь в реанимации, буду выздоравливать; хорошо, если относительно быстро, а, скорее всего, долго и трудно. И напрочь забуду о каких-то там мужьях, пусть даже он трижды красавец и целуется так, что голова идет кругом, как у девчонки, а об остальных его талантах и говорить нечего.

Странно, но при этой мысли я испытала нечто, очень похожее на сожаление.

Как бы то ни было, пора бы выбираться из постели, одеваться и разбираться, что здесь и как. Насколько я помнила, дамам моего теперешнего положения, то есть «леди» нужно не только украшать собой дом, но и заниматься хозяйством, и дрессировать... то есть контролировать слуг.

Кстати, о слугах. Как их позвать? Не бегать же по всему... замку? в ночнушке, хватая за рукав каждого встречного и спрашивая, не видел ли он мою служанку? Должна же у меня быть служанка? Платье-то само не материализуется, а в комнате я ничего похожего не видела.

Я снова спустила ноги на пол, поежилась. Полцарства за домашние тапочки!

Дверь со скрипом отворилась, в щель сунула голову девушка.

- Наконец-то вы проснулись, госпожа! – пискнула она.

Девушка зашла в комнату, поклонилась. Русые волосы, заплетенные в две косы, веснушки, платье из коричневого льна. Служанка?

- Помочь вам умыться, или желаете сперва принять ванну? – спросила она.

Ванну?

- Здесь есть ванна? Конечно, желаю.

- Есть. – В голосе девушки прорезалось нечто вроде гордости. – Говорят, когда лорд Ривз унаследовал замок после смерти отца, он велел сделать комнату для омовений рядом со спальней.

- Эм... Пожалуй, я передумала...

- Не переживайте, госпожа, – понимающе улыбнулась служанка. – Лорд давно уже встал и совершил омовение. Он вас не беспокоит.

Я вздернула нос.

- Я вовсе не боюсь, что он меня беспокоит.

Еще как боюсь. Как ему в глаза-то теперь смотреть? Неловко как-то вышло.

- Конечно, госпожа, – служанка сделала книксен. – Так мне передать, чтобы вам приготовили ванну? Котел уже кипит...

Звучит воодушевляюще, ничего не скажешь. Кипят котлы чугунные, точат ножи булатные... Нет уж. На брата Иванушку я вовсе не похожа, да и скромницей-Аленушкой давно перестала быть.

– ...и бочка с холодной водой тоже полна. Я велю Тому от вашего имени налить ванну, и все будет готово. И, если хотите, я настояла с вечера ромашку, чтобы добавить в воду. Кожа будет как бархат. И еще ромашка поможет меньше волноваться.

Я бы предпочла валерьянку. На спирту. И внутрь. Десять капель на бутылку, и плевать, что обычно я не пью.

– А волосы... позвольте, миледи? – Она взяла в руки прядь моих волос. – Сегодня уберем под чепец, а завтра я помогу вам проснуться пораньше и промыть их. У вас чудесные волосы, миледи.

– Спасибо...

А как ее звать-то? Эй, ты?

– Бет, – улыбнулась она, словно прочитав мои мысли. – Зовите меня Бет.

– Тогда я – Кэтрин.

– Что вы, миледи! – ужаснулась она. Потом на лице девушки появилось сочувствующее выражение. – Вам все еще нехорошо, миледи?

Да нет, мне просто замечательно. Я то ли умерла, то ли брежу, в моем распоряжении целый замок и муж, который почему-то при одном взгляде на меня кривится так, словно лимон раскусил, но при этом в постели... Так, Катя, возьми себя в руки. Секс – еще не повод для знакомства. И тем более не повод предаваться, гм, мечтам. Других забот полно.

– Почему мне должно быть нехорошо?

– Вы упали вчера. Когда вернулись из церкви, переоделись и шли на свадебный пир, упали с лестницы. Вас долго не могли привести в чувство, и многие сочли это дурным предзнаменованием. И когда вас готовили к брачной ночи, вы вели себя странно... как будто были не здесь. Никого не узнавали, ни с кем не разговаривали. Молча делали, что вам говорили, как будто душа ваша была где-то... – Она ойкнула, прижав руку ко рту. – Простите, миледи. Милорд велел

никаких бабьих сплетен.

- Ничего, я ему не скажу, Бет.

Упала, значит, выходя из церкви, а потом вела себя, как зомби? Черепно-мозговая? Заторможенность? А потом светлый промежуток закончился и вместе с ним – сама миледи Кэтрин? Здравствуйте, встречайте новенькую?

Кто его знает?

- Бет, я ничего не помню. Вообще ничего. Даже... - Я потупилась. - Даже как зовут моего мужа.

- Лорд Роберт Ривз, - с готовностью сообщила служанка. - Вы правда ничего не помните? Бедненькая... ой, простите, миледи. Я слишком много болтаю.

- Ничего, - повторила я. - Распорядись насчет ванны, и потом договорим.

Она присела в книксене и выскользнула за другую дверь.

Роберт, значит. Ну, будем знакомы, Роберт. Век бы тебя не видеть. Мне прекрасно жилось одной у себя дома. С электричеством, теплым туалетом и нормальной ванной, чтобы набрать ее, достаточно повернуть кран, а не «велеть Томасу» или как там его.

Ладно, могло быть хуже. Куда хуже. Я могла бы оказаться какой-нибудь скотницей и очнуться не в замке, а в избе, которую топят по-черному. А то и вовсе стать бездомной нищенкой. А так - прорвемся...

Наверное.

Глава 2

Бет вернулась через пару минут. Заколола мне волосы, накрыв их чепцом. Нырнув под кровать, вытащила оттуда нечто, здорово смахивающее на войлочные тапочки без задника, но на толстой деревянной подошве, почти платформе, расшитые шелком и бусинами. Я обрадовалась этим тапкам сильнее, чем сокровищу. В них и правда оказалось тепло, толстая подошва отлично защищала от холода каменного пола. Правда, стучали они как кастаньеты, незаметно не подкрадешься. То ли дело – кожаные носочки Бет с завязками поверх шерстяных чулок.

Что за дурь в голову лезет? К кому мне тут подкрадываться? Зачем?

Бет, тем временем, облачила меня в нечто белоснежное, шелково-кружевное – и повела в соседнюю комнату.

В довольно просторном помещении у стены горели два камина, где над огнем висели здоровенные котлы. В таких и правда можно кого-нибудь сварить, прямо как в сказке. В центре комнаты возвышался постамент со ступенями, выложенный чем-то, похожим на изразцы. В него оказалась вмонтирована медная ванна. Не меньше метра в ширину, метра два в длину – утопиться можно при желании. А уж наполнять ее ведрами... Я от души посочувствовала неведомому Томасу. Рядом стояли две большие бочки и скамья, на которой лежали тазы, ковшики, какие-то кувшины и глиняные кринки: одни открытые, другие – под крышками. Ладно, с этим потом разберемся.

Я позволила Бет себя раздеть – в кои-то веки еще раз доведется побыть знатной дамой в богатом доме. Присела, коснувшись воды кончиком пальца. В детстве, гостя у бабушки в деревне, я как-то сиганула обеими ногами в ванночку, куда она только что плеснула ведро кипятка. Обошлось без серьезных ожогов: бабушка, услышав вопль, выдернула меня из воды в ту же минуту. Но с тех пор я проверяла температуру всегда, даром что обычно сама же ванну и наполняла.

– Мне побыть с вами, миледи, или вернуться чуть позже? – спросила Бет.

– У тебя наверняка полно дел, – улыbnулась я. – Вернись через четверть часа.

Я откинулась на стенку ванной и блаженно закрыла глаза. Вода была горячей, но не слишком: как раз, чтобы расслабиться. Кажется, здесь все-таки не так плохо.

Не прошло и двух минут, как скрипнули петли, вздохнула, открываясь дверь, и по моим голым плечам пробежал холод.

- Бет, четверть часа еще не прошло, - пробормотала я, не открывая глаз.

Камеристка добавила в ванну не только ромашку. Вода пахла мятой и еще чем-то цветочным, открывать глаза и вылезать из нее не хотелось совершенно. Вылезать, идти куда-то, разбираться, что тут за замок, что за люди в нем живут, знакомиться, объяснять, почему я никого не узнаю, пытаться понять, что от меня требуется... При одной мысли об этом шевелились волосы на затылке. Кажется, я выберусь отсюда по своей воле не раньше, чем вода покроется инеем.

Бет не ответила. Послышались шаги - негромкие, но все же слишком тяжелые и широкие - в смысле, редкие - для девушки. Я открыла глаза.

Рядом с ванной, глядя на меня сверху вниз, стоял лорд Роберт Ривз, и выражение лица его не предвещало ничего хорошего.

Точнее, не так.

Выражение лица его было каменно-спокойным, но взгляд... Тот полный вождения взгляд, который узнает любая женщина, от которого мгновенно мурашки бегут по коже и теплеет внизу живота. И одновременно в этом взгляде была ненависть. Темная, свинцовая ненависть.

Я пискнула, дернулась, едва не булькнувшись в воду с головой. Кое-как восстановив равновесие, подтянула колени к груди, обхватила их руками. Глупо, наверное, после того как мы... Блин! Блинский блин! Я же думала, что это глюк. Что я вот-вот очнусь и буду смеяться, вспоминая, насколько похотливый, оказывается, у меня мозг.

Щеки налились тяжелым жаром, захотелось нырнуть в воду с головой и не высываться больше. Так. Надо успокоиться. В конце концов, я не пятнадцатилетка, обнаружившая, что за ней в бане подглядывают пацаны. Я взрослая женщина. Это, вроде как, мой муж. Видел... гм, трогал он предостаточно, так? Поздно уже смущаться. Только от этой мысли почему-то загорелись не только щеки, но и уши. И сердце отчаянно заколотилось.

Я заставила себя распрямить плечи, по-прежнему не отрывая колен от груди. Посмотрела на лорда снизу вверх. Ни лицо его, ни взгляд не изменились.

Да что я тебе такого сделала? Котика обидела? Любимый, связанный бабушкой свитер на помойку выкинула? Машину поцарапала?

Или ты на тот комплимент, будь он неладен, так оскорбился? Так вроде, наоборот мужчины любят, когда их постельные подвиги оценивают по достоинству. Или это наши мужчины? А тут все ненормальные вроде того типа из каких-то мемуаров, что хвастался, дескать, всегда выполнял супружеский долг с холодной головой, не оскорбляя жену похотью?

– До чего же вы лицемерная тварь, – произнес лорд. – Взгляд, румянец... Отличное представление, миледи. Впору и правда поверить, что вы скромница.

Ну это уж слишком! Я, может, и не скромница, а вот ты хамло трамвайное. А хамам надо наступать на ноги до тех пор, пока они не начнут извиняться.

– Вам не нравятся скромницы, милорд? – усмехнулась я. – Что ж...

Я действительно не юная дева, падающая в обморок от одного упоминания о мужском органе, а практикующий хирург. Медичка. Которые, как известно, все бесстыжие. А это даже не мое тело.

Я поднялась на ноги, выпрямившись во весь рост. Развернулась к нему, уставившись прямо в глаза. До чего же он высоченный! Ванна была встроена чуть выше пола, но я все равно смотрела на лорда снизу вверх.

Он отступил на шаг, взгляд скользнул вниз, кажется, следя за каплями воды, скатывающимися по груди. Еще ниже...

Он неровно вздохнул, с видимым усилием подняв взгляд. Меня обдало жаром, когда наши глаза снова встретились. Что ж я делаю, доиграюсь ведь! Что в нем такого, в этом совершенно незнакомом – глупо же считать прошлую ночь знакомством – мужчине, что сердце колотится как бешеное, а по коже гуляют мурашки?

Лорд шагнул навстречу так стремительно, что я бездумно шарахнулась назад, споткнулась о край ванной и улетела бы навзничь, если бы он не поймал за запястье. Рывком притянул к себе так, что я снова едва не свалилась, вписалась в него, опершись ладонью о грудь.

– Вот это куда больше на вас похоже, – выдохнул он.

Его лицо оказалось слишком близко, дыхание щекотнуло кожу. Я облизнула пересохшие губы. Его сердце под моей ладонью колотилось так же часто, как и мое.

– Да что вы вообще можете про меня знать? – вспыхнула я. Дернулась, пытаюсь высвободиться. Тщетно.

– Достаточно, чтобы понять – до того было отличное представление. Ничем не хуже вчерашнего. Если бы не простыня, я бы усомнился в вашей невинности.

Правильно бы усомнился. Нет, неправильно. Блин, я сама запуталась!

– Что ж, простите, что разочаровала.

– Не за что. Вы избавили меня от очередного позора, и за это я должен быть благодарен.

Очередного? А в чем заключался предыдущий?

– А, может, это тоже было представлением? – Лорд говорил все так же негромко, но в тоне его появились низкие рычащие нотки, от которых мурашки побежали по хребту. То ли от страха, то ли... Да что ж это делается, нельзя же быть таким, таким... – Может, вы подготовились к первой ночи как следует? Что вы взяли? Куриное сердце?

О чем он? В следующий миг до меня дошло. Ах ты сволочь этакая! Ну то есть я-то, конечно, давно не девица, но леди Кэтрин...

– Пиявки, – процедила я.

Где-то я читала, что ими действительно пользовались, чтобы изобразить невинность. Пиявка, отвалившись, оставляет ранку, которая кровоточит при малейшем прикосновении. Я не брезглива, но, помнится, тогда меня передернуло.

- Что? – оторопел лорд.

- Пиявки. Такие... жирные, извивающиеся... – Я снова попыталась выдернуть руку, и меня снова не выпустили. Прошипела ему в лицо: – Жаль, что они не цапнули вас за самое дорогое.

- Что вы несете?

- Нет, это что ВЫ несете? Как смеете вообще подумать, будто я... Или вам именно этого и хотелось? Чтобы получить повод от меня избавиться – хотя не знаю, в чем я перед вами провинилась.

- Так-таки и не знаете? – усмехнулся он.

- Не знаю. Зато знаю, что я вас не обманывала. Ни в чем. И... кровопролитие этой ночью было настоящим. Довольны?

Я опять рванулась, и он снова меня не выпустил. Наклонился еще ниже, едва не касаясь моих губ своими.

- Все было настоящим? И ваши стоны тоже?

Кажется, мое горящее лицо сможет осветить это помещение не хуже лампочки. Что ему ответить – милорд, я была уверена, что вы – глюк? Иначе огребли бы подсвечником?

- Так, значит, вам настолько понравилось отдаваться на глазах у всех? – не унимался он.

Этот голос, этот взгляд, где бешенство мешается с желанием... Да пусти же ты! Отпусти, или я сама на тебя кинусь! И... не знаю что сделаю, но канделябром ты у меня все-таки огребешь. После. Или до.

– Нет, не... – И что тут скажешь? Понравилось – извращенкой ославят, не понравилось – снова лгуньей обзовут. Вот же зараза! – Вы бы уже определились, милорд. Скромницы вам не нравятся. Распутницы – тоже. Только непонятно тогда, зачем было все это сборище... желающих свечку поддержать. К чему вы это затеяли?

– Я?!

Он выпустил мою руку, отступая так стремительно, словно я была самкой богомола, намеревавшейся отгрызть ему голову.

– Это же вы на каждом углу кричали, что неспроста у меня нет наследника! Что не просто так моя первая жена, упокой господи ее душу, так и не смогла понести! Как у вас, девицы, вообще язык повернулся говорить о подобных вещах?

А что такого-то? Мужское бесплодие – штука нередкая. Свинка в детстве, например. Или у местных девиц лошади не жеребятся, а куры не несут яйца, ой, простите, птичьи фрукты?

– Что у ее матери было пятеро сыновей и три дочери! – Лорд не кричал, но каждое его слово хлестало, точно плетью. – Что обе сестры моей первой жены подарили мужьям наследников в первый же год после свадьбы!

Ой, кажется, поняла! Откуда им тут знать про причины? Бесплодная женщина – негодная женщина. Бесплодный мужчина... лишен мужской силы. Да уж, любой на его месте взбеленился бы, узнав, кто распускает о нем такие слухи.

Он и взбеленился, кажется, последние остатки самоконтроля рухнули. Сжались кулаки, напряглись плечи.

– Это же вы, леди, – он выплюнул этот титул словно ругательство, – довели дело до публичной консумации!

То есть заставила прилюдно продемонстрировать, что он еще о-го-го, какой мужик. М-да. Понятно, чего он на меня так взъелся.

А с другой стороны, нечего жаловаться. Во-первых, демонстрация прошла с огромным успехом. Была бы это рекламная презентация, за тобой бы очередь из жаждущих, гм, дев выстроилась. Во-вторых, подставила тебя не я. А, главное, это все равно не повод орать на женщину, которая на голову тебя ниже и в два раза легче. На своего начальника ты бы наверняка не орал, какую бы подлянку он тебе ни устроил!

Господи, что я несу. Какие начальники?

- А после этого вы смеете... смеете... - Он застыл, явно подбирая слова.

Восхищаться тобой как мужчиной? Так ты и в самом деле... Я поспешно прогнала эту мысль, а вместе с ней и явно некстати всплывшие воспоминания о прошедшей ночи, от которых снова заколотилось сердце и потеплело внизу живота.

Хорошо, не хочешь - не буду восхищаться. К тому же, судя по всему, та, что жила в этом теле до меня и умерла, после того как споткнулась на лестнице, очень не хотела за тебя замуж. Настолько не хотела, что готова была рискнуть своей репутацией, рассуждая вслух о вещах, о которых невинной деве и знать не полагается. А ты все равно на ней женился. Получив право ее насиловать - да, насиловать, а как это называется, когда ты берешь женщину, которая тебя не хочет? Которой ты противен? Которая не сопротивляется только потому, что знает - бесполезно?

Ты не только хам трамвайный, милорд. Ты еще и гад редкостный. А я теперь твоя жена. Я мысленно воспроизвела любимую тираду Петровны. Кажется, теперь мне придется часто ее вспоминать. Главное чтобы не вслух а то и без того нежная психика лорда и вовсе посыплется.

- Будь вы мужчиной, - выдохнул он, наконец.- Вы были бы уже мертвы.

- Будь вы мужчиной, - не удержалась я, - вы бы не стали домогаться женщины, которой настолько не милы.

Он зарычал сквозь зубы, шагнул ко мне. Я, пискнув, шарахнулась, снова споткнувшись о борт ванной. Не удержалась на ногах, чудом извернувшись, все-таки не шмякнулась о каменный пол - шлепнулась в воду, подняв кучу брызг.

Погрузилась с головой, нос наполнился водой, я задергалась, совершенно перестав понимать, где верх, где низ, ноги заскользили по полированной меди, не давая опору, руки безуспешно ухватили воздух.

Кто-то вцепился мне в плечо сильно и больно, рванул вверх. Я, наконец, вынырнула, схватилась за спасительную руку, кашляя и пытаюсь сморгнуть слезы.

Лорд выпустил мое плечо, выдернул рукав из моих пальцев. Кажется, выругался – не расслышала толком за собственным кашлем. Наконец, проморгавшись, посмотрела на него. Капли воды в волосах, мокрая рубашка прилипла к телу, очерчивая рельефный живот. Тяжелое дыхание, в глазах – бешенство.

Да, самый золотой мужчина озверевает, если прицельно пнуть его по достоинству. А я проделала это дважды, первый раз – сама того не зная, и второй раз – только что. Намеренно. Не удивлюсь, если он едва справился с желанием меня притопить. Однако справился. И даже вытащил, не дав захлебнуться.

– Спасибо, – просипела я. Прокашлявшись, повторила: – Спасибо, милорд. И прошу прощения.

Он усмехнулся – зло и жестко.

– Вот вы как запели. Не переживайте. Родите мне наследника, и я избавлю вас от своего присутствия, раз уж, – он снова усмехнулся, – настолько не мил. Отправитесь в монастырь, как и хотели. Предпочитаете похоронить себя заживо, вместо того, чтобы быть хозяйкой моего замка – ваше дело.

Он развернулся и стремительно вышел. Шарахнула дверь, заставив меня подскочить.

Эй, погоди! Какого, блин, наследника? И не хочу я ни в какой монастырь! Что я там потеряла? Что я вообще здесь потеряла? Где тут выход из этого паноптикума? Домой хочу!

Я скрючилась, уткнувшись лицом в колени, и расплакалась.

Снова открылась дверь, обдав меня сквозняком, я торопливо выпрямилась, стирая слезы ладонью. Еще не хватало этому гаду видеть меня плачущей.

Но дверь оказалась другой – той, что вела в мою комнату, а не той, за которой исчез лорд. Не купальня, а проходной двор, честное слово.

– Что с вами, миледи? – всплеснула руками Бет. – Что-то случилось?

– Ничего, – всхлипнула я, вытирая слезы. – Все в порядке. Мыло в глаза попало.

Какое мыло? Что я несу?

– И ваши волосы, ох... теперь придется их мыть и сушить.

– Ничего.

Бет подошла поближе, ойкнула, глядя на багровые следы от пальцев на моем плече.

– Я поскользнулась и захлебнулась водой, – сказала я. – Чуть не утонула. Лорд Ривз меня вытащил.

– Да, миледи. Как скажете. – Она опустила взгляд. – Я вовсе не хотела любопытствовать.

Не поверила. Я бы на ее месте тоже не поверила. Сколько раз доводилось оперировать таких вот... «Споткнулась, упала» – и так с десятков раз. Стыдно и страшно признаваться, что с тобой так обошелся человек, которому доверяла. Который должен был быть самым близким. И Бет сейчас подумала про меня то же самое...

Я мотнула головой, отгоняя мысль о том, что если ее предположения вдруг начнут сбываться, я ничего не смогу поделать. Но на смену одной не слишком веселой мысли тут же пришла другая.

Наследник! Он хочет наследника. И явно не с помощью пробирки и шприца. Блинский блин! Это же мне с ним спать!

Ну да, мне понравилось. Что уж там греха таить – очень понравилось. Но я-то была уверена, что это все не взаправду! А если взаправду, то он меня терпеть не может, мне он тоже не нравится... в смысле, вынутый из постели не нравится. Вот пусть бы там и оставался и...

Уверенные руки, ласкающие мою грудь сквозь тонкую ткань рубашки. Губы, скользящие вдоль шеи. «Заставить вас кричать, миледи?»

Ой, нет! Я вовсе не то имела в виду... имела я в виду и лорда, и его постель, и...

Я медленно выдохнула и погрузилась в воду с головой. Остыть.

– Мидели, как вы меня напугали! – воскликнула Бет, когда я вынырнула.

Чепец развязался и всплыл, оказавшись на лбу. Я стянула его уткнулась лицом. затряслась, сама не понимая, смеясь или плача. Вот это попала так попала! Во всех смыслах, блин!

– Миледи? Принести вам успокаивающего чая?

Водки мне принеси. И побольше. Коньяк тоже сгодится.

Я криво улыбнулась.

– Не надо. Спасибо, Бет, но все хорошо. Просто... Нервы. – Ах да, они же тут скорее всего не знают, что такое нервы. – Переволновалась.

– Конечно, миледи. Все молодые жены волнуются. И перед брачной ночью... простите.

Нет, только не все сначала.

– Лорд Ривз показал себя с наилучшей стороны, – холодно произнесла я. – И довольно об этом.

– Простите, миледи, – она, кажется, всерьез испугалась.

Нет, это в мои планы не входило. Мне нужен здесь хоть кто-то... Хоть кто-то, кто не хочет меня пришибить. Хоть кто-то, с кем можно поговорить. Я улыбнулась.

– Это ты меня прости, Бет. Просто я не хотела бы обсуждать моего... моего мужа ни с кем.

– Мне не подобает прощать или не прощать господ.

– Ну, не дуйся. Лучше, расскажи что ты думаешь о других обитателях замка?

Хоть узнать, кто здесь живет. А то я пока никого, кроме лорда, будь он неладен, не видела.

– Мне не подобает сплетничать о господах, – голос Бет прозвучал куда мягче, но было видно, что от своих слов она все равно не отступится. – Простите, миледи.

– Прощать? – Я снова улыбнулась. – За что? Это значит, что ты не будешь сплетничать и обо мне.

Надо бы что-нибудь ей подарить. Не подкупая, а просто так. Бет была милой, неглупой и, кажется, искренне мне сочувствовала. Только могу ли я ей что-то подарить? Есть ли у меня здесь что-то свое, или все принадлежит лорду?

И что мне тут дозволено вообще? Кто я тут? Хозяйка или домашняя зверушка, о которой заботятся, но не позволяют ничего решать? Захотят – стерилизуют... нет, в моем положении, скорее, повяжут... Блин, да хватит уже! Пора бы и успокоиться. Будет день... то есть ночь, будем думать.

– Давайте, я помогу вам промыть волосы, миледи, – сказала Бет, берясь за кринку.

– Чем?

– Пока только золой. Прошу прощения, миледи, после того, как лорд овдовел, в замке два года не было хозяйки, и я не нашла солодки, чтобы смешать ее с золой виноградной лозы и ячменя. Точнее, она испортилась, я недоглядела,

виновата... Я велю собрать от вашего имени...

Как-то это слишком экстремально.

– Бет, пошли кого-нибудь или сама сбегай на кухню и принеси два... – Я вытащила из воды прядь. С волосами мне... этому телу повезло. Или не повезло, тут уж как посмотреть. – Нет, пожалуй, три желтка. Только желтки, без белков. И пусть выберут пленки.

Бет присела, выскользнула за дверь, вернулась почти сразу.

– Сейчас принесут, миледи. Но я не слышала о таком средстве. Так принято у вас дома?

Как принято у меня дома, уже никогда не будет. Ни тебе шампуня с пышной душистой пеной, ни хорошего мыла, ни... да много чего не будет больше никогда. От этой мысли снова захотелось плакать, и я прогнала ее. Все. Забыла. Время забыть о благах цивилизации и вспомнить бабушкины рецепты. Желток – на волосы, белок с какими-нибудь ягодами или простоквашей – вместо маски на лицо, чтобы кожа была белее. Оливковое масло или ланолин... овечий жир, если говорить об этих условиях – на тело. Наверняка и свои средства у них есть... надо будет потом расспросить Бет. Но пока есть расспросы поважнее.

– Бет, и все же, расскажи мне, кто сейчас есть в замке? Из господ и тех слуг, о которых мне важно знать?

Она помедлила с ответом, и я добавила:

– Я не шутила, когда говорила, что ничего не помню. Бет, я никого не помню. Вообще никого. Видимо, слишком сильно упала. Представляешь, каково мне сейчас? Я собственную матушку не узнаю, если встречу!

Она всплеснула руками.

– Бедненькая... простите, миледи.

– Ничего. Ты служила мне или лорду? Расскажи!

– Я приехала в замок с первой женой лорда семь лет назад. Миледи Маргарет была добра ко мне.

Я изумленно вытаращилась на нее – на вид Бет было не больше двадцати. Та заметила этот взгляд, рассмеялась.

– Да, я тогда совсем девочкой была. Но леди, упокой господи ее душу, меня любила и доверяла, и лорд разрешил ей взять служанку. Не то, что... ой, простите. Вы сказали что...

– Не то, что мне? – медленно проговорила я.

– Да, вам же лорд не дал и сорочки из дома забрать. Поговаривают, что .... простите, миледи.

– Говори, я разрешаю. И все, что ты скажешь, останется между нами, Бет.

– Сама-то я молчу, но слуги болтают...

– О чем болтают слуги?

– Слуги болтают, дескать, лорд сказал, если уж ему навязали жену ради ее родственных связей, то ее саму он, так и быть, впустит в дом. Но больше ничего, что ей принадлежит, в нем не появится. Одной леди довольно.

Навязали, значит... Интересно.

– Если его двоюродному дяде так нужен этот брак, пусть сам и забирает ту насмешку над приданым, что эта девица может с собой принести.

– И что дядя?

– Говорят, его величество посмеялся...

Я задохнулась. Руки на бортиках ванной разжались, и я снова булькнулась в воду с головой. Вынырнула, отплевываясь. Бет торопливо подхватила какой-то

вышитый лоскут и бросилась вытирать мне лицо. Я жестом отстранила ее.

- Повтори... - Голос не слушался. - Что ты сказала?

- Что его величество посмеялся и сказал, что ему чужое приданое тем более не нужно.

Значит, я не ослышалась. Лорд Роберт - племянник короля. Двоюродный племянник. Это что получается... Я попыталась собраться с мыслями, мысли собираться отказались. Папа лорда - двоюродный брат короля. Или мама - двоюродная сестра. Значит, бабушка или дедушка моего мужа - брат или сестра короля... в смысле предыдущего. Блин, в этих королях немудрено запутаться. Здорово меня приложило: до сих пор голова не соображает.

Так, начнем сначала. Жаль, нарисовать не на чем, было бы понятней.

Значит, текущий король, который дядя лорда Роберта - это король первый. Тогда предыдущий, получается, минус первый. И он был братом бабушки или дедушки лорда Роберта. А если копнуть на поколение назад, выходит, что король... минус второй король, если считать от теперешнего, был...

Был прадедом лорда Роберта.

Так, погодите. Что же выходит: вот это хамло трамвайное, которое только что наговорило мне гадостей - принц?

Блин! Блинский блин! А я тогда кто?

Кем была леди Кэтрин, раз двоюродного племянника короля заставили на ней жениться ради ее родственных связей? И почему она могла принести только насмешку над приданым? Внебрачная дочь самого короля? Нет, едва ли. Сыну еще могли дать земли и титул - не отцовский, конечно. Но с девочкой точно никто заморачиваться не будет - сплавят в монастырь, и вся недолга. Тогда кто же я?

- А что сказал на это мой батюшка? - осторожно поинтересовалась я.

– Слуги болтают... простите миледи...

– Хватит извиняться. Сколько раз повторять: дальше меня твои слова... точнее, то, что слуги болтают, не пойдут.

– Слуги болтают, будто ваш батюшка сказал, дескать, его род такой древний и славный, что это лорд Роберт должен бы нести приданое за честь породниться. И что если бы господь не прибрал его сыновей, он бы отдал дочь в монастырь, потому что девушку с таким норовом никто приличный в жены не возьмет, а за кого попало он и сам не отдаст.

А папа леди Кэтрин, похоже, любит... так любит, что не знает, как избавиться. Все интересней и интересней. Кто же у нас папа, что ему королевский родич – «кто попало»?

Глава 3

Я задумалась, как об этом спросить половчее, но тут в дверь постучали. Бет высунулась наружу, и вернулась с миской.

– Принесли желтки, как вы просили. Наконец-то. Простите, миледи, обычно лорд живет не на широкую ногу и прислуги хватает. Но сейчас в замке слишком много людей.

– Из-за свадьбы?

– Да. Сам его величество почтил замок своим присутствием...

Час от часу не легче. Если принц не похож на сказочного, то от короля и вовсе неясно, чего ожидать. Но тогда понятно, почему все на ушах.

– А с ним свита?

– Да. Охрана его величества, егеря и соколятники, псари, конюший... все знатных родов, конечно же. И их слуги. Лорд Роберт и леди Оливия...

– Это еще кто?

– Тетушка лорда Роберта. Ее муж умер два года назад, оставив жену почти без средств, и лорд Роберт пригласил ее под свою опеку.

Тетушка, значит. Значит, и хозяйка в доме имеется. Действительно, зачем бы лорду жениться, если есть кому присматривать за домом... то есть замком. Не ради же того, чтобы было кому постель греть. Тут и без жены желающих прорва... Эта мысль почему-то кольнула, и я прогнала ее, снова вслушавшись в болтовню Бет.

–... делают все, что могут, чтобы принять гостей как подобает, но прислуга не поспевает. Эмма, экономка, с ног сбилась, и Томас говорил, что кастелян стал злой, как собака, а рука у него тяжелая... Так что простите, миледи, что вам пришлось ждать.

– Ничего. Полей мне волосы хорошенько. Теплой водой. И дай сюда миску.

Пора бы делом заняться, а то этак невесть до чего додумаюсь. Я начала втирать желтки в голову и зашипела, едва коснувшись волос. Справа выше виска обнаружилась здоровая и болючая шишка. Да, похоже, хорошо леди Кэтрин об лестницу приложилась. Я оглядела себя – да, вот еще синяки на бедрах и на боку. Странно, что раньше их не заметила. Не до того, видимо, было.

Я шагаю вниз по крутой каменной лестнице, подол цепляется за что-то, обрывая на середине шаг, я пошатываюсь, взмахиваю руками, пытаюсь удержаться, сердце летит в пятки, и вместе с ним лечу я. Руки промахиваются мимо опоры, я качусь вниз, больно пересчитывая ступени собственным телом. Меня заносит в сторону, голова влетает в стену. Искры из глаз – и темнота.

– Миледи! – пробился сквозь звон в ушах голос Бет. – Миледи, что с вами?

– Ничего, – я медленно выдохнула. – Задумалась.

До чего же по-настоящему все было! Как будто это я сама летела с лестницы совсем недавно. Интересно, это возвращается память или личность?

Теоретически, если память – всего лишь последовательность соединений нервных клеток и молекулы в них, она может сохраниться в теле и вернуться. Это было бы здорово. Не пришлось бы задавать всем подряд глупые вопросы.

А вот двум личностям в одном теле будет тесновато. Леди Кэтрин – точнее то, что я о ней успела узнать – мне нравилась. Не каждая наберется смелости открыто сопротивляться навязанному жениху. Но, как бы она мне ни нравилась, жить и дышать мне нравилось еще больше. А если исчезнет сознание – исчезну и я.

– Вы так побледнели, миледи. Вам нехорошо?

– Хорошо. – Я снова взялась за волосы.

И снова застыла.

Я лежу на скамье, руки привязаны к ее краю, на ногах сидит матушка. Болит прокушенная губа, горит спина. Свист— я сжимаюсь прежде, чем плеть касается кожи. Обжигающая боль. Наверное, надо бы кричать и плакать пожалостливей, не отец, так мать смилостивится, но я стискиваю зубы так, что начинают ныть челюсти.

– Ты за него выйдешь!

Мотаю головой. Если раскрою рот, то разрыдаюсь. Всхлип все-таки прорывается, и я до боли закусываю губу.

– Ты не опозоришь наш род, пойдя против воли короля!

Батюшка подходит ближе. Я всегда его боялась, а сейчас ненавижу. Только и твердит – наш род то, наш род сё. А у самого нет ничего, завтра кончится королевская милость – и останется только седлать коня и убираться в Аргинак. Только и там ни он, ни мы никому не нужны.

Наш род остался там, в Аргинаке, который я никогда не видела. Батюшка был наследником престола, но его отец, мой дед – которого я видела лишь несколько раз, когда он приезжал к соседям с официальным визитом – решил как-то отвоевать у соседей спорные земли. Это едва не стоило ему короны. И когда заключали мир с соседями— потеряв не только те спорные земли, но и пару соседних провинций – король Беркива, отец нынешнего, пожелал сам воспитывать наследника Аргинака.

Тот же обычай, по которому сыновей отдавали в пажи, а потом – в оруженосцы сюзерену или соседям.

Чтобы король Аргинака трижды подумал, стоит ли снова зариться на соседские земли.

Отцу тогда было пятнадцать. Черед два года его женили на какой-то из королевских кузин. Домой он так и не вернулся, на трон Аргинака после смерти короля сядет младший брат отца. Так что плевать мне, что там скажут про наш род. Это мужские игры, и отец игру проиграл. Будь у меня братья – может, для них это и было бы важно. Трое из четверых моих братьев не дожили и до десяти лет. Четвертый погиб на охоте, когда ему было семнадцать. Погнался за оленем, опередил остальных. Его величество подарил ему быстрого коня.

Обглоданную тушу оленя и изувеченное тело брата нашли через неделю, леса вокруг столицы были глухие... Следопыты сказали, что он нарвался на волчью стаю и не смог ни отбиться, ни уйти. И чары не помогли.

Мать винила в его смерти отца. Впрочем, она во всем винила отца. Сколько я себя помню, родители друг друга ненавидели. И почему это я никогда не рвалась замуж?

Я бы сделала исключение только для одного человека. Но тот, на кого я не могу наглядеться, тот, без кого я не могу жить, женат. А никому другому я принадлежать не буду.

Говорят, тот, за кого меня сватает его величество – достойный человек. Но это мужчины меряются достоинством, а женщине что с того? Какая мне радость в том, что он храбро сражался на последней войне с Наровлем? Что когда рыцари-чародеи Наровля пробили строй Беркива – я не могла думать «наших», отец всю

жизнь твердил, что мы здесь чужие, что настоящее наше место в Аргинаке – и прорвались к его величеству, лорд Ривз был одним из тех, кто остался рядом с королем и сражался, защищая своего господина и повелителя. Не надеясь на победу, не зная, сумеют ли остальные справиться с противником, развернуть строй и прийти на помощь.

Говорят, когда помощь все же подоспела, от двух дюжин рыцарей-чародеев королевской гвардии осталось лишь пятеро. И трое рыцарей свиты. Лорд Ривз был среди тех, кто уцелел. Израненный, едва державшийся в седле. Едва не выжегший себя чарами. Говорят, никто не надеялся, что он выживет. Подняться с постели он смог лишь через полгода после той битвы, напоминая лишь бледную тень того рыцаря, что был до войны.

Что мне с того, что он доблестный воин, изысканный придворный и вообще воплощение всевозможных достоинств, если дамы при дворе шепчутся, дескать, первую жену он уморил, ведь она так и не родила ему наследника? Уж очень удачно умерла леди Маргарет – за три дня до отъезда мужа на войну. Где это видано, чтобы холера была такой избирательной и вовсе не коснулась ни лорда Ривза, ни его отряда? Но во время войны всем было не до выяснения правды, а после и вовсе никто не посмел бросать тень на репутацию героя, спасшего жизнь его величеству.

И мне идти за него замуж? Да лучше в монастырь!

Воспоминания были настолько яркими, что я на миг перестала понимать, кто я и где. Очнулась, лишь когда Бет, вскрикнув, встряхнула меня за плечо. Проморгавшись, я обнаружила, что снова едва не ушла в воду с головой, а миска с желтками плавает у моих колен. На несколько мгновений я стала леди Кэтрин, и ее страх, отчаянье и ненависть стали моими.

А лорд-то каков! Неужели это он помог мне... точнее леди Кэтрин слететь с лестницы в день свадьбы? Я попыталась мысленно вернуться в прошлое и оглянуться, посмотреть, кто там был у меня за спиной. За что зацепился подол, ведь если бы не это, я бы не упала.

Память молчала. Зато услужливо подкинула кое-что другое.

Рыцари-чародеи? Чары не помогли?

Чары???

Это что, такая особая форма мазохизма – носить воду ведрами, топить дровами, жечь свечи и полгода выздоравливать после ран, когда в мире есть магия? Да была бы у меня магия, я бы так развернулась!

И снова память молчала, а спросить было не у кого. Разве что лорда отловить и допросить с пристрастием... И про магию, и про первую жену. И про лестницу... В особо извращенной форме допросить...

– Миледи! – снова окликнула меня Бет. – Я сбегаю за нюхательными солями.

– Нет! Я прекрасно себя чувствую. – И незачем совать мне под нос всякую гадость.

– Тогда позвольте, я вам помогу. – Бет коснулась моей головы, и я снова зашипела.

– Простите, миледи! – ойкнула она.

– Ничего, пройдет. Так о чем мы там говорили?

А то опять задумаюсь и тогда точно утону. Да и вообще, пора заканчивать водные процедуры. Впереди утренняя гимнастика: беготня по лестницам и прятки от лорда.

– Так вот я и говорю... ой, слуги говорят, что лорд обошелся с вами сурово... Ладно бы служанку не разрешил взять, свои слуги – проверенные, вышколенные, а чужие – кто их знает. Но ведь ни сорочки не разрешил забрать. Ни ниточки. Перед венчанием велел мне снять с вас все и переодеть в его вещи. А ваши вернуть родителям.

Интересно. Очень интересно, я бы сказала.

– В его вещи? Или в вещи первой жены?

- Простите, миледи...

Значит, лорд не только хам трамвайный, но еще и гад мелочный. Интересно, это потому что он жмот, или просто захотел поставить миледи Кэтрин на место? Дескать, нет у тебя здесь ничего своего, а будешь ерепениться - и не появится? Этот может...

Бет взялась за ковшик, начала ополаскивать мне волосы. Самое время бы понежиться под теплыми ласковыми струями, но мозги отключаться не собирались.

Надеюсь, платья предыдущей леди хотя бы постирали после нее? Повторять подвиг леди Годивы мне как-то не хотелось, но и надевать чужие грязные вещи... Даже если разум подсказывает, что за два года все микробы уже передохли. Впрочем, те кружевные штуки, в которые Бет облачила меня утром, пахли свежестью и солнцем, а вовсе не тем затхлым духом, который появляется у долго лежавшего нестираного белья. Так что чистые, наверное...

А лорду это с рук не сойдет. Я тоже умею пакостить с честным лицом. Главное делать это аккуратно, чтобы не нарваться на местные методы воспитания.

- Что стало с первой женой лорда? - спросила я.

Холера, говорили все. И вряд ли Бет скажет что-то новое. Но вдруг?

Она вздохнула.

- Леди умерла от холеры. Сгорела за два дня.

А, может, те придворные слухи были правдой? Отравление мышьяком выглядит очень похоже на холеру. Может быть, сам лорд помог убраться на тот свет жене, так и не принеся ему наследника? Разводы ведь здесь не приняты.

- Лорд долго горевал...

Горевал? Это трамвайный хам умеет думать о чем-то - о ком-то - кроме своего драгоценного достоинства?

–...он был добр ко мне: не прогнал, хотя без хозяйки я была ему не нужна. Приставил помогать экономке...

А вот это хорошо, значит, Бет знает, как тут ведутся дела.

– Но я рада, что в замке снова появилась хозяйка. Лорд Ривз, хоть и добрый в глубине души...

В очень глубокой глубине, я бы сказала.

– ...человек суровый и неприхотливый, и без хозяйки замок начал превращаться в военный лагерь, простите.

В средневековый военный лагерь? Где за войском тащился обоз с девицами легкого поведения? И ведь не спросишь. Я же теперь леди, я знать не знаю о существовании подобных женщин. Даже если спрошу прямо, Бет не ответит, только шокируется до глубины души. А я и без того, чувствую, дам ей немало поводов для удивления. Вот же занесло...

– Вы ведь сможете принести в замок тепло и уют, правда?

Я? Уют? Да мой дом был чем-то средним между казармой и операционной! Никаких милых сердцу безделушек, все убрано в шкафы и ящики. Ненавижу уборку, а так – прошлась тряпкой по всем поверхностям, и чисто. А когда дело доходит до мытья посуды, я начинаю думать об убийстве. Живи я не одна – купила бы посудомойку, но одну тарелку и одну кружку помыть вроде нетрудно, а заодно – кастрюлю, сковородку, саму плиту... бесит невероятно. Какой там уют! Единственное, что я люблю и умею из того, что должна уметь настоящая женщина – шить, вышивать и вязать. Да и то, шью и вяжу больше в чужих внутренностях, а это уже не совсем про уют история.

Стоп. Как это без хозяйки?

– А леди...

Как там бишь ее? Совсем из головы вылетело. Слишком много на нее, бедную, свалилось.

– Леди Оливия? – Бет вылила последний ковшик воды, в этот раз отчетливо пахнувшей уксусом – чтобы волосы блестели – и начала бережно отжимать мокрые пряди. – Она уже не слишком молода и не поспевает за всем. И все же приживалка, а не хозяйка.

И относятся к ней соответствующе.

– А что про нее говорят слуги? – спросила я, заворачивая волосы в поданную Бет простыню.

– Мне не подобает сплетничать о господах, – отрезала девушка.

Но она только что с удовольствием сплетничала о лорде. Похоже, ничего хорошего Бет сказать не может, а плохого говорить не хочет, чтобы, не ровен час, не дошло до других господ. Значит, леди Оливию здесь не слишком любят. Только ли за то, что она приживалка? Или у тетушки характер еще хуже, чем у племянника?

Хотя куда хуже-то...

Бет тем временем помогла мне ополоснуться и выбраться из ванны. Снова облачила во что-то кружевное – в жизни не скажешь, что секонд-хенд. Провела обратно в спальню. Там на кровати уже была разложена сорочка, рядом – зеленое платье и чулки. Не вязаные, со швом и тесемочками.

Но Бет не торопилась помогать мне одеться – усадила у горящего камина и принялась расчесывать мои волосы костяным гребнем. Кажется, я начинала понимать, за что ее любила прежняя госпожа: рука у девушки была легкая, почти не дергала волосы. Я вспомнила, как когда-то собиралась в садик, и мама второпях заплетала мне косички, мука мученическая каждое утро.

Мама... получается, теперь я не приеду к ней в гости? Никто не будет уговаривать меня «съесть еще немножко, а то с этой работой одни глазищи остались»? Никто не будет звонить и спрашивать, как дела?

Так, не смей реветь! Не смей, я сказала! Мама одна не останется. Брат недавно вернулся на «гражданку» – тоже хирург, к слову. Военный. Девушку завел.

Женится, детей нарожают, будет маме с кем нянчиться. Да и будет кому за ней присмотреть без меня. Бертик взрослый. Все, кто там остался, прекрасно проживут без меня. И я уже большая девочка. а большие девочки не ревут. Так что...

Снова распахнулась дверь, едва не шарахнув об стену. Лорд шагнул в комнату и просторная спальня вдруг показалась маленькой. Может, потому, что двигался он стремительно, размашистым шагом, ну точно Петр первый на той знаменитой картине, где он несется куда-то, глядя в неведомую даль, а следом в полуприседе семянят придворные.

Хотя на пучеглазого круглолицего Петра лорд Ривз походил разве что ростом да темными волосами. Широкоплечий, поджарый, профиль на монетах чеканить впору. А глаза... мамочки, какие глаза! Совсем не черные, как мне показалось утром. Темно-синие. Вот, спрашивается, зачем мужику такие глаза?

Бет присела, склонив голову. Я встала: не хотелось смотреть на него снизу вверх, точно собачке. Хотя все равно получалось снизу вверх.

– Я забыл сказать, что его величество захотел поохотиться, поэтому большого обеда не будет. Леди Оливия и Эмма предупреждены. Если хотите, вам принесут еду в комнату, или пообедайте с дамами, как вам будет угодно.

Так вот что его с утра ко мне понесло! Совсем не поглазеть, как я было решила. Но с чего такая забота? Боится, как бы я чего не выкинула, обнаружив, что супруг не вышел к обеду? Или не хочет, чтобы мы зря готовили на целую ораву гостей? Хотя все равно придется... Какое счастье, что готовить – не мне.

– Благодарю за предупреждение, милорд. Я пообедаю у себя. Бет принесет.

– Как вам будет угодно, – повторил он. Помялся, точно ему что-то было от меня нужно, но не хотелось просить.

Я молча ждала. Совсем не собираюсь ему помогать.

– Его величество желает отправиться только мужской компанией, поэтому вас я на охоту не зову, – сказал, наконец, лорд.

Как будто ты бы меня позвал, если бы компания была смешанная. Впрочем, я бы сказалась нездоровой. Ни разу в жизни не ездила верхом.

– Но я бы хотел, чтобы вы проводили меня до порога. Как подобает жене. Что бы вы ни... Что бы ни происходило между нами, не следует давать повод для сплетен, их и без того немало. Вы согласны?

Ага, значит, я должна изображать примерную жену, спасая твою репутацию. А мне что с того, как говорила леди Кэтрин?

– И... – У него в руках появилась плоская шкатулка. – Наденьте. Эти изумруды будут хороши к вашим глазам, а гранаты оттенят белизну кожи. Пока я на охоте, решите, какое платье наденете вечером, и пришлите ко мне служанку, когда вернусь. Подберем что-нибудь, в чем можно будет сидеть за одним столом с его величеством.

Лучшие друзья девушки – изумруды, значит? Только это я уже проходила. Тоже будешь заваливать меня дорогими подарками? На самом деле одаривая не меня, а принадлежащую тебе вещь, которую нужно украшать, чтобы она соответствовала твоему статусу. Которую можно выкинуть в один миг, если вдруг сломалась и перестала оправдывать ожидания. Тот урок я выучила хорошо. А потому – засунь ты эти изумруды... озарять твой внутренний мир.

– Это тоже обноски вашей первой жены? – прошипела я.

На лице лорда заиграли желваки, глаза потемнели. Вот теперь они действительно казались черными.

– Обноски я отдал слугам. Ни одно из тех платьев, что я прислал вам, она не надевала. И не вы ли сами выставили портного, которого я к вам прислал, заявив, что негоже невесте принимать подарки до свадьбы?

Блин! Надо же так оплошать. Ну спасибо тебе, леди Кэтрин, удружила. А мне теперь таскай чужие платья. Да еще и извиняйся.

– Прошу прощения, милорд. – Он прав в одном: если этой свадьбы хотел король, то жаловаться бесполезно. Как и прилюдно демонстрировать непокорность. Да и

вообще, глупо затевать полномасштабную войну без разведки. Поосмотрюсь сперва, что здесь и как.

- Так вы согласны хотя бы прилюдно соблюдать видимость приличий?

Я присела в реверансе

- Как вам будет угодно, милорд.

Он глянул подозрительно - было заметно, что мое послушание его скорее встревожило, чем успокоило. Но сказал лишь:

- Тогда одевайтесь, у вас мало времени.

Он только глянул в сторону Бет, а та тут же метнулась куда-то в угол, где стоял длинный сундук. Здоровенный, в таком труп спрятать можно. Например, лорда, когда он меня окончательно доведет.

Я взялась за волосы - вряд ли здесь принято изображать русалку с мокрыми патлами. Заберу в косу и скручу в узел, как носила дома. Будет не слишком заметно, что они мокрые. Шпильки ведь тут наверняка есть.

Бет тем временем извлекла что-то бархатное, глубокого винного цвета, шитое золотом по обшлагам и подолу. Разложила это на постели рядом с сорочкой. Зачем, интересно? То зеленое, которое она спрятала обратно в сундук, на первый взгляд было тоже ничего. Разве что из практичного льна, а не бархатное. А, ну да. Соответствовать статусу. Женщина-трофей, украшение дома, шикарный аксессуар. Я стиснула зубы, пытаюсь унять вскипающее бешенство.

Бет снова нырнула в сундук, извлекла оттуда туфли - еще одни шлепанцы на толстой подошве, теперь расшитые жемчугом. Бездонный он, этот сундук, что ли? Похоже на то, потому что Бет еще раз сунулась под крышку и вытащила оттуда шкатулку резного дерева. Внутри оказались шпильки. Длинные и острые, глаз выколоть можно, если придется. Украшенные жемчугом. Будто я не женщина, а новогодняя елка.

Вдох. Медленный выдох. Выдох, я сказала! Не время срываться, не время. В таком состоянии я совершенно перестаю соображать, что делаю. А терять голову нельзя, никак нельзя... Лучше косу плести, успокаивает.

Я закрепила волосы, тряхнула головой – шпильки держали нормально.

– Одевайтесь, – повторил лорд. – У нас не больше получаса.

Полчаса? Да я на операцию быстрее моюсь!

– Выйдите.

Он прислонился к стене и скрестил руки на груди.

– И не подумаю.

Еще один вуайерист нашелся.

– Не насмотрелись утром?

– От вас непонятно чего ожидать.

Чего от меня можно ожидать? Что улечу через каминную трубу верхом на метле? Я бы не отказалась, но увы.

– ...так что нет, я не выйду, и не отвернусь. Пока мы не предстанем перед дяд... его величеством, я буду настороже. И ваши прелести сейчас интересуют меня меньше всего.

Лучше бы он этого не говорил. Потому что бешенство, которое я безуспешно пыталась сдержать последние минуты, все-таки прорвало плотину.

Не интересуют, значит, тебя мои прелести? А кто ко мне в ванну приперся? А кто смотрел так, словно готов безо всяких прелюдий нагнуть меня над краем этой самой ванны?

В том-то и дело, что тебя только мои прелести и интересуют. И то не мои, а леди Кэтрин. А на меня тебе наплевать, как было наплевать и на нее.

Я тебе покажу, как они тебя не интересуют!

Глава 4

Опустив взор, точно смутившись, я медленно потянула завязку на том кружевном чуде, в которое меня облачила Бет. Заглянула лорду в глаза, шагнув чуть ближе.

Не интересуют тебя мои прелести? Так не интересуют, что глаз отвести не можешь от груди, пока скрытой тканью? Я повела плечом, позволяя кружеву сползти, обнажив грудь почти целиком.

Вот только почему у меня самой перехватывает дыхание и слабеют колени под этим темным, полным желанием взглядом?

- Вон, - сипло произнес лорд.

За спиной прошелестели шаги, открылась и закрылась дверь. Я не оглянулась. Не смогла отвести глаз от его лица. Словно его вожделение каким-то образом передалось и мне, смывая и злость, и стеснение. Ткань скользнула к ногам предвкушением ласки. Я переступила через нее, почти не замечая холода пола.

Упав, стукнула о камень шкатулка с украшением. Лорд словно не заметил этого, шагнул ближе. Под его взглядом заныла грудь, а сердце ухнуло в низ живота да там и осталось, растекаясь теплом. Да что же он со мной делает?

Да что же я делаю?

Я отступила на шаг, но лорд мгновенно оказался рядом. Сжал в объятьях, заглядывая в глаза.

– Зачем вы это делаете? Мое терпение не бесконечно.

Глубокий бархатный голос, хрипловатый от страсти, отозвался дрожью в теле, сметая остатки разума.

– Не знаю, – прошептала я.

Может быть, если мы займемся любовью не во сне, как мне тогда казалось, а наяву, я успокоюсь? Может быть, нет в этом лорде ничего такого эдакого, а есть просто долгое воздержание – много лет я не позволяла себе и думать о мужчинах. Просто вождление? Может быть, просто дать ему выход, и наваждение пройдет?

Его глаза, в которых желание мешалось с яростью – той же яростью, которая несколько мгновений назад заставила меня потерять голову – были слишком близко.

– Ни одной женщине не удавалось настолько меня взбесить. И настолько... сводить с ума. Как вы это делаете? Приворот?

Его дыхание щекотало губы, отзываясь мурашками вдоль позвоночника.

– Нет, – голос сорвался. – Это вы... – слов не хватало, дыхание перехватывало, – вы сами...

– Я вас ненавижу, – выдохнул он и впился в мои губы.

Подхватил под бедра, поднимая над полом, впечатал в стену, продолжая целовать. Холод камня, жар его тела, обжигающий, несмотря на одежду, жадные губы, настойчивый язык...

Да что же ты со мной делаешь!

Вздых превратился в стон. Лорд отстранился на миг, заглядывая в глаза. Я обвила руками его шею, притягивая к себе, сама потянулась навстречу, прижимаясь всем телом.

Делай что хочешь, только не отпускай. Не отпускай...

Он и не выпустил.

Прижал еще крепче – хотя ближе, кажется, было уже невозможно. Провел губами вдоль шеи, легонько прихватил зубами мочку уха, заставив меня всхлипнуть.

Отстранился на миг – не знаю, как ему удалось справиться со штанами, так и не поставив меня на пол – и снова двинулся навстречу, заполнив меня целиком.

Я ахнула, подаваясь к нему, обвила ногами его талию.

– Кричи, – рыкнул он, прижимаясь лбом к моему лбу. – Моя.

– Нет, – простонала я.

Это просто похоть. Просто долгое воздержание. Сейчас это закончится, и наваждение пройдет.

– Моя, – повторил он, двинувшись навстречу, заставив меня выгнуться, вырывая очередной стон.

– Нет...

– Нет? – повторил он. Замер, чуть отстранившись.

Я нетерпеливо дернулась навстречу, но он по-прежнему держал мои бедра, контролируя каждое движение.

– Может быть... – он качнулся медленно-медленно, так же мучительно медленно отстранился, и опять замер, и опять удержал меня, так что я едва не разрыдалась от нетерпения, – ...мне остановиться?

– Нет! – я крепче обхватила его талию ногами, подаваясь к нему и в этот раз он не стал меня удерживать. – Не... останавливайся.

– Моя, – довольно выдохнул он, снова заставляя меня выгибаться дугой. – Кричи.

Я мотнула головой, прикусив губу. Мало ли, что там случилось ночью, тогда я была не в себе. А сейчас замок наверняка проснулся, а за дверью стоит Бет, ожидая, когда ее позовут обратно.

– Двери толстые, – выдохнул он, точно поняв, о чем я думаю. – Никто не услышит.

И я сдалась. Слишком уж было хорошо, почти невыносимо хорошо. Отдалась этому ритму, движениям лорда, его рукам, удерживающим меня так легко, словно я вообще ничего не весила, словно превратилась в одну сплошную волну наслаждения, напроочь смявшую разум, рвущуюся из тела с криком, пока, наконец, не обмякла, расслабившись.

Его движения стали неровными, резкими, еще несколько толчков – и он, застонав, замер, тяжело дыша. Выпустил меня из рук, и я едва не сползла по стене на подгибающихся коленях.

Что же ты со мной делаешь, зараза этакая?

Он обнял меня, переводя дыхание, я спрятала лицо у него на груди, чувствуя себя совсем маленькой в таких сильных и надежных объятьях. Сердце постепенно успокаивалось. Я глубоко вздохнула.

И обнаружила, что стою совершенно без ничего, прижимаясь к едва знакомому – или, наоборот, теперь слишком хорошо знакомому – мужику, в комнате не слишком натоплено, а босые ноги и вовсе онемели от холода.

Я дернулась, выворачиваясь. Его руки на миг напряглись, прежде чем разжать объятья и выпустить. Лорд отвернулся, завозился со штанами. Я метнулась туда, где на полу все еще валялся пеньюар или как его тут называют, прыгнула на кровать, закутавшись в него и не глядя на... мужа, что уж теперь. Милорд муж. Я усмехнулась про себя, старательно глядя мимо него.

Он тоже не смотрел в мою сторону. Подошел туда, где утром стояли таз и кувшин, теперь накрытые полотенцем. Я обернулась на плеск воды.

Муж бросил в меня комок мокрой ткани – я поймала полотенце.

– Приводите себя в порядок и одевайтесь. У нас и без того было немного времени, а сейчас его и вовсе нет. Мне не... – он досадливо поморщился. – Теперь придется действительно торопиться.

– Если не хотите опаздывать, может быть, не стоит меня ждать?

Тем более что я понятия не имею, как обходиться со всем этим роскошеством, что разложено на постели. Провожусь невесть сколько.

– Хотите пойти на попятную, миледи? Ваши слова не весомей дуновения ветра? Хотя чего еще ожидать от женщины?

Я хочу, чтобы ты пошел вместе со своим королем... на охоту, в берлогу. Глубокую и темную берлогу. Говорить гадости женщине, которую... с которой только что...

– Впрочем, надо быть глупцом, чтобы всерьез поверить в вашу покорность.

– Покорность? Вот уж этого вы точно не дождетесь.

– Посмотрим. И не тяните время.

– Я и не тяну. Это же вы решили выразить свою ненависть таким странным образом, – усмехнулась я. – Да отвернитесь вы, наконец!

Он дернулся, как от удара. Медленно выдохнул, стиснув зубы.

– Не отвернусь. От вас можно ждать чего угодно, вплоть до ножа в спину. И перестаньте играть в скромницу, мы оба знаем, что ничего нового я не увижу.

Ну и подавись. Меня тоже не так просто смутить.

Я швырнула в него испачканное полотенце – лорд не спеша отступил, и тряпка шлепнулась об пол. Жаль, так хотелось, чтобы – в морду. Холеную породистую морду. Я взялась за сорочку, пытаюсь разобраться, где тут у нее перед, где зад.

Лорд вырвал у меня из рук рубашку, прежде чем я успела пискнуть.

– Поднимите руки.

Я не стала спорить. Да уж, раздевать меня мужчина раздевал, а вот чтобы одевал...

Ткань накрыла меня с головой, скользнула вдоль тела. Лорд резко дернул вниз подол. Что-то острое чиркнуло по боку. Я вскрикнула от неожиданности.

– Что опять за игры, – рыкнул он. – Прек...

И осекся, увидев, как на белоснежном полотне сорочки рядом со швом проступила кровь.

Я ругнулась под нос, схватилась за бок, нащупав что-то твердое и тонкое. Вытащила.

Иголка. Швейная иглолка, старая и порядком заржавевшая.

Я задрала подол, разглядывая глубокую кровотокающую царапину на боку. Обработать бы, да чем здесь обрабатываешь? Ладно, авось обойдется. До свадьбы заживет. Я нервно хихикнула, поняв, что сморозила. Хорошо хоть, про себя. Собралась было одернуть подол и продолжить одеваться – времени в самом деле не было – но зацепилась взглядом за шов. Рядом с которым было две ржавые точки. Если бы иглолку забыла в сорочке нерадивая портниха, ржавчина бы отпечаталась по всей ее длине, а не только там, где она входила в ткань.

Мелкая пакость. Интересно, кому это так не по нраву новая хозяйка замка? Бет? Вряд ли. Она могла бы с невинным видом повыдергивать мне половину волос, пока расчесывала. Что толку гадать? Пока я никого здесь не знаю.

– Что там у вас? – Лорд растянул ткань, разглядывая ее. Сдвинул брови.

– Дайте сюда.

Я разжала кулак.

Он взял иглу. Шагнул к двери, распахнув ее едва ли не пинком. Да сколько можно мебель портить! Втащил за руку Бет – та только пискнула и зажмурилась, съежившись, точно ожидая удара.

– Что это? – прорычал лорд.

Девушка, побелев, уставилась на его ладонь.

– Иголка, милорд. Я не понимаю...

Он замахнулся, собираясь вlepить ей пощечину.

Сама не знаю, как я оказалась рядом, как повисла на руке.

– Совсем офонарел, придурок?!

Он стремительно развернулся, и на секунду мне показалось, что сейчас ударят и меня.

– Нерадивую прислугу следует учить, – прорычал он. – Не лезьте, если не хотите, чтобы...

– Чтобы и мне досталось? – Я вздернула подбородок. – Так давайте, чего стесняться! Научите покорности, вы же так ее хотели!

– Миледи, не надо... – прошелестела Бет.

– Когда король приказал на мне жениться, его вы тоже учили пощечинами? – не унималась я.

– Король! – он охнул. – Бет, быстро помоги ей одеться!

Бет торопливо усадила меня на табурет, подставив под ногу низенькую скамейку, начала натягивать чулок. Лорд пристроился к другой ноге, преклонив колено. Я невольно хихикнула – прямо благородный рыцарь у ног прекрасной дамы. Не стоило, конечно, но нервы уже отчетливо начали сдавать. Лорд,

кажется, понял, поднял тяжелый взгляд.

– Жаль, что эта завязка не на вашей шее.

Отвечать я не стала.

Так же, в четыре руки, они облачили меня в платье. Лорд подобрал с пола шкатулку, и было заметно, что он вовсе не хочет, чтобы я носила это украшение. Но все же передал его Бет, и та пристроила мне на шею тяжелое ожерелье, в котором зеленые камни мешались с винно-красными. Может, и правда изумруды с гранатами, я не слишком разбираюсь в драгоценных камнях. С моей работой драгоценности не поносишь, так что я на них и не засматривалась. То, что осталось от подарков Артура, так и лежало где-то в недрах шкафа. На черный день.

Лорд подхватил меня под руку и повлек прочь.

За дверью спальни обнаружилась еще одна комната. Табурет у окна, рядом с ним рама для пялец. В углу – подобие пюпитра, перед которым – скамеечка, наподобие той, на которую Бет пристраивала мою ногу, надевая чулки, только обитая чем-то мягким. Рядом – высокий шандал на пять свечей. На пюпитре стояла толстая и на вид тяжелая книга. Священное писание, подсказала мне память Кэтрин. Отлично. В смысле, отлично не то, что единственная книга здесь – местный аналог библии, а то, что леди Кэтрин умела читать, а значит, и я смогу научиться. В нашей средневековой реальности, насколько я знаю, этим умением могли похвастать далеко не все знатные дамы. Да и рыцари... А без книг я тут быстро рехнусь.

Впрочем, вряд ли у лорда обширная библиотека. Эта дура на пюпитре размером с монитор и толщиной в две моих руки. Да еще и окована серебром и украшена камнями. Если это не семейная реликвия, что передается из поколения в поколение века три, значит, книги здесь рукописные, на пергаменте и безумно дорогие.

– Ваша комната, – бросил лорд, продолжая тащить меня за собой.

Я в своих тапочках на платформе едва поспевала следом, путаясь в юбках, и наверняка уже не раз упала бы, если бы он не продолжал крепко держать меня

за локоть.

– Потом скажете, что вам нужно, и я велю принести. Леди Маргарет, упокой господи ее душу, была набожной и любила рукоделие. После нее эту комнату никто не трогал.

А еще леди, похоже, была довольно неприхотливой. Я бы сказала, аскетичной. Никакого досуга, кроме рукоделия или молитвы? Нет, этак я точно рехнусь.

Мы распахнули еще одну дверь и устремились по коридору.

– Что означает «офонарел»? – спросил вдруг лорд. – Что такое «придуток» я понял, хотя никто из моих знакомых и не пользуется этим словом.

Я наступила на подол и едва не кувыркнулась носом в пол. Лорд вздернул меня на ноги прежде, чем я успела упасть.

– Не замечал раньше, чтобы вы были настолько неуклюжи.

– Это вы на меня дурно влияете, – буркнула я и застыла на краю витой лестницы. Очень крутой. Я бы и в джинсах с кроссовками спускалась по ней бочком и придерживаясь за стенку.

– Не бойтесь, – сказал он. – Я держу крепко. И удержу, что бы ни случилось.

Я подняла на него взгляд. Лорд смотрел серьезно и внимательно.

– Если бы вчера, когда вы спускались на свадебный пир, я был с вами, вы бы не упали.

– Разве вам не все равно? – не удержалась я. – Вы же...

– Вы – моя жена. Я этого не хотел, но... я на это согласился. – Он шагнул на лестницу, полуобернувшись ко мне. – А значит, мой долг – вас защищать. И увилывать от него я не намерен, как бы ни относился к вам. Как бы ни хотел...

В его глазах промелькнуло что-то очень похожее на боль.

– Как бы ни хотели видеть на моем месте другую? – невесело усмехнулась я, двинувшись вслед за ним.

Что я несу? Какая мне разница, что у него на душе? Даже если он и сохнет по кому-то, мне-то что с того? Пусть себе вздыхает по своей прекрасной даме, лишь бы меня не трогал лишний раз!

– Это не имеет значения, – сухо произнес лорд, видимо, пожалев о нечаянно вырвавшейся откровенности. – Вы бы тоже хотели видеть на моем месте другого. И довольно об этом.

– Я никого не хочу видеть на вашем месте, – ровным голосом произнесла я.

Вообще никого. Мне не нужен муж. Никто не нужен. Мне нужен мой дом, моя работа и моя жизнь. Но если ты – плата за то, что я не лежу в могиле, значит, придется оплачивать этот счет.

– Не лгите. – Льда в его голосе хватило бы на промышленный холодильник.

А может быть, монастырь – на самом деле не такая плохая идея? Чем он хуже, к примеру, моей работы? Вставать ни свет ни заря и вкалывать допоздна? Нормальная работа на две ставки плюс дежурства. Всенощные бдения – или как там оно называется? Суточные дежурства в экстренной хирургии. Монастырский устав? Очередное постановление дорогого минздрава, необходимое к исполнению, и неважно, что это сущая глупость. Монастырский устав, пожалуй, намного безвредней. Возможные склоки? Молодой сплоченный коллектив. По счастью, чаша сия меня миновала. Посты? Во время экстренного дежурства по городу в туалет забежать некогда, не то что поесть. Что еще есть на работе, чего нет в монастыре? Карьерный рост? Мне не светил: я хорошо умею оперировать и очень плохо – лавировать среди разнообразнейших начальственных директив. К слову, в монастыре можно подсидеть мать-настоятельница, вот тебе и карьерный рост. И никаких мужиков. Никаких, так их и разэтак, лордов.

К слову, держал он действительно крепко, и через несколько ступеней я почувствовала себя уверенней. Лорд, кажется, это заметил и прибавил шагу, но

я все равно попевала за ним без труда.

- Так что такое «офонарел»? - повторил он.

А вот назло тебе падать не стану.

- Только не говорите, что это на вашем родном языке и просто звучание похоже, - продолжал лорд. - Я неплохо знаю арганак и не помню там таких корней.

Будешь смеяться, но это в самом деле на моем родном языке. Который ты точно не знаешь.

- Берега попутал, - буркнула я. - Оборзел вконец.

Все равно ведь не отвяжется.

Он приподнял бровь.

- У вас удивительно любопытный лексикон. Но я понял, что вы хотели сказать. - Он помолчал. - С чего вы решили вступить за прислугу после того, как пострадали от ее небрежения? Если бы Бет перебрала вещи как следует, вы бы не поцарапались.

- Бет, скорее всего, ни при чем.

- С чего вы взяли?

- Иголочка попала в ткань недавно. Ржавчина была только в месте укола, а не по всей длине.

Он нахмурился.

- Значит, вы действительно поняли. Мне показалось, вы подумали, будто я настроиваю против вас домочадцев и прислугу. Потому и вспылил.

А не все ли тебе равно, что я о тебе подумаю? Ты же меня ненавидишь... и очень эффективно это демонстрируешь... Блин! Да что ж это такое? Опять щеки горят.

– Обычно я не бью слуг. Не знаю, что нашло в этот раз.

Вот только Бет перепугалась до полусмерти, увидев выражение твоего лица.

– Прощу прощения, что напугал вас.

– Вы же не меня пытались ударить, – пожалала я плечами.

– Вы всерьез хотите меня заставить извиняться перед прислугой? – спросил лорд с искренним любопытством.

– Заставить? Разве я могу вас заставить? – копируя его тон, удивилась я.

– Многие женщины на вашем месте были бы уверены, что смогут, – усмехнулся он.

– Только не говорите, что до сих пор вы имели дело с круглыми дурами, – с ехидством произнесла я. – Заставить вас? Как? Деньги и все, что нужно для жизни – в ваших руках. Лишить вас своего общества? Даже если бы это было возможно, сомневаюсь, что вы огорчитесь.

Вряд ли стоило говорить это прямо, но у меня не осталось сил на экивоки. Сейчас изображу перед королем примерную супругу, вернусь в спальню и запрусь там. А ведь еще только утро. Когда же этот бесконечный день закончится? А ведь еще ночь... Хотя вряд ли после сегодняшнего он придет повторить. Или придет? Ой, нет, не буду об этом думать, иначе точно с лестницы навернусь. Лучше уж о плохом.

– Вы не боитесь, что сами вкладываете оружие в мою руку? – холодно произнес он.

Я снова усмехнулась.

– Милорд, вы не похожи на дурака. Значит, прекрасно понимаете все это сами. Что еще может быть для вас важным? Дружеская поддержка, тепло и участие? Так за ними вы пойдете, разумеется, к друзьям. Интересные разговоры и развлечения? Опять же друзья. Так на что я могла бы надавить, чтобы вас заставить?

– Вы рассуждаете как мужчина. Но есть еще одно.

– Вы хотите обсуждать это там, где любой может услышать?

За очередным поворотом обнаружилась дверь. Лорд остановился перед ней.

– Все, что происходит за этой дверью, остается за ней. В наших покоях, куда не допускаются посторонние. Говорите. Итак, есть еще одно. То, чем женщины пользуются слишком часто.

– Мужское вождение? – Я не стала отводить взгляд. Сил краснеть и смущаться уже не осталось, и я продолжала с безжалостной прямоотой: – Супружеский долг и все такое... Даже если я вдруг вам откажу, вас это остановит?

– Не знаю. – В его голосе мелькнули уже знакомые хриплые нотки. – Я всегда гордился своей выдержкой. Но вы... Расчетливый мужской ум, который вы только что явили – и потрясающая женственность. Бесстыдство, с которым вы отдаетесь...

Я все-таки зарделась, и он, приподняв мой подбородок, провел большим пальцем по щеке.

–...и смущенный румянец, как сейчас, этого не подделать. Беспощадная откровенность, с которой вы говорите сейчас – и откровенная ложь.

– Я не...

Он покачал головой и накрыл пальцами мои губы.

– Безрассудная смелость, с которой вы встали у меня на пути, и беззащитность... я ведь и вправду могу сделать с вами что угодно, и это пугает меня самого.

Потому что сегодня утром я не знал, утопить ли вас или вытащить из воды и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shneyder_natal-ya/popadanka-dlya-lorda

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)